

УДК 902.6

ГЛИНЯНАЯ ПОСУДА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКОВ ИЗ СЛОЯ ЧЕЛЯБИНСКА

Г.Х. Самигулов
e-mail: Grig@sci.irc.ac.ru

Археологический научный центр, г. Челябинск, Россия

Статья поступила 21 июля 2003 г.

Введение

Археология нового времени получает все большее распространение в России. Материал, получаемый в ходе археологических исследований многочислен и разнообразен, но самым массовым видом находок на объектах нового времени, как и на памятниках более ранних эпох, остается керамика. На данном этапе работ, в значительной степени, происходит накопление и обработка материалов из культурного слоя нового времени. Но все насущнее становится проблема классификации керамики, в том числе и русской, позднего периода. Об этой проблеме, применительно к керамическому материалу городских центров Урала, уже упоминалось [1, С. 71].

Настоящая работа не претендует на классификационную, скорее это промежуточное обобщение информации. Часть керамического материала еще находится в работе. К тому же количество исследованных объектов и участков слоя, уверенно датируемых XVIII в. пока невелико. Дальнейшие работы могут дополнить или изменить видение материала. Тем не менее, обобщение уже имеющихся данных дает возможность увидеть ситуацию на данном этапе изучения и сопоставить ее с ситуацией в соседних регионах.

В предлагаемой статье будут представлены предварительные итоги обработки керамического материала из культурного слоя г. Челябинска XVIII в., в период с 1736 г. — дата основания Челябинской крепости — до начала XIX в. Описанный керамический материал получен, большей частью, из датированных закрытых комплексов, либо из соотнесенных с ними слоев. Я постараюсь вкратце охарактеризовать некоторые изменения произошедшие за этот период в керамическом комплексе Челябинска, сопоставить челябинские материалы с данными некоторых публикаций по Урало–Сибирскому региону.

Характеристика керамики XVIII в. из культурного слоя Челябинска

Керамический материал, полученный в ходе археологических исследований в Челябинске, можно условно разделить на две группы. К первой группе относится глиняная посуда, встречающиеся в слое XVIII в. и рубежа XVIII–XIX вв., практически полностью исчезающие из слоя к середине XIX в. Соответственно, во вторую группу входит посуда, фрагменты которой были найдены в слоях, датируемых как XVIII в., так и, в большей степени, XIX вв. Вся керамическая посуда из слоя XVIII — начала XIX в. — неполированная. Керамика первой группы представлена, в основном, фрагментами, поэтому при описании предполагаемых типов сосудов мы, в большинстве случаев, будем исходить из профилей венчиков.

Группа I. Керамика коричневого и серо–коричневого цвета, реже красная или мореная — темно–серая или черная, с тестом плотным и средней плотности с примесью шамота, сухой глины, песка и дресвы — в различных сочетаниях. Иногда в тесте содержится обычный мусор:

угли, камешки, осколки кирпича и т. д. Тесто многих фрагментов содержало, в незначительных количествах, слюду, но она, скорее всего, входила в состав дресвы. В редких случаях, примесь представлена мелким галечником или песком, шамота и дресвы не выявлено. Большая часть посуды изготовлена на круге, но немало сосудов ручной лепки с залощеной наружной поверхностью, причем внутренняя поверхность сохраняла все неровности. Найдены фрагменты сосудов следующих типов:

1. Фрагменты сосудов (с большой вероятностью горшков) с округлым туловом, низкой шейкой и сильно отогнутым венчиком. Иногда шейка сосуда практически отсутствует, представляя собой прогиб в месте соединения тулова и сильно отогнутого венчика (рис. 1: 11—12, 18, 23, 36—37; рис. 2: 4, 6). Венчик тонкий (рис. 1: 11—12, 17—19, 36—37; рис. 2: 4, 6), либо расширен к верхнему краю и уплощен со скосом наружу (рис. 1: 13—14, 25, 33—34). Возможно, этот тип сосудов имел приземистые пропорции, но утверждать это точно невозможно, поскольку полный профиль, по имеющимся фрагментам, восстанавливается лишь предположительно.
2. Фрагменты сосудов с прямыми или немного выпуклыми стенками,верху тулово резко сужается, иногда образуя хорошо выраженное узкое плечико. Венчик немного отогнут наружу, иногда уплощенный сверху, реже наклонен внутрь, шейка отсутствует (рис. 1: 6, 10).
3. Сосуды с хорошо выраженным узким плечиком, прямой шейкой, венчик представляет собой уплощение верхнего края шейки, выступающее наружу, с продольным желобком посередине уплощения (рис. 1: 16; 2: 12), либо тонкий венчик сильно отогнут наружу (рис. 1: 9).
4. Фрагменты сосудов с выпуклым туловом, плавно сужающимся к чуть вогнутой шейке; венчик немного отогнут, чаще сверху закруглен, иногда уплощен со скосом наружу (рис. 1: 21, 22).
5. «Приземистые» кринки — округлое тулово плавно переходит в невысокую (2—4 см), прямую шейку, завершающуюся сильно отогнутым венчиком, наружный диаметр которого равен, либо превышает, диаметру тулова. Венчик с широким, уплощенным, верхним краем, по которому проходит неглубокая канавка. У таких кринок разница между диаметром тулова и высотой сосуда невелика, что в сочетании с широким венчиком создает ощущение приземистости изделия (рис. 2: 8—10).
6. Сосуды баночного типа со слабо выпуклыми стенками, верхний край оформлен в виде отогнутого венчика (рис. 1: 28—29).
7. Баночные сосуды с уплощенным или закругленным верхним краем (рис. 1: 31—32; 2: 2, 7).
8. Рыльники (чайники) — сосуды с округлым туловом, плавно сужающимся к немного вогнутой шейке, венчик отогнут. В верхней части тулова — небольшой носик («рыло») (рис. 1).

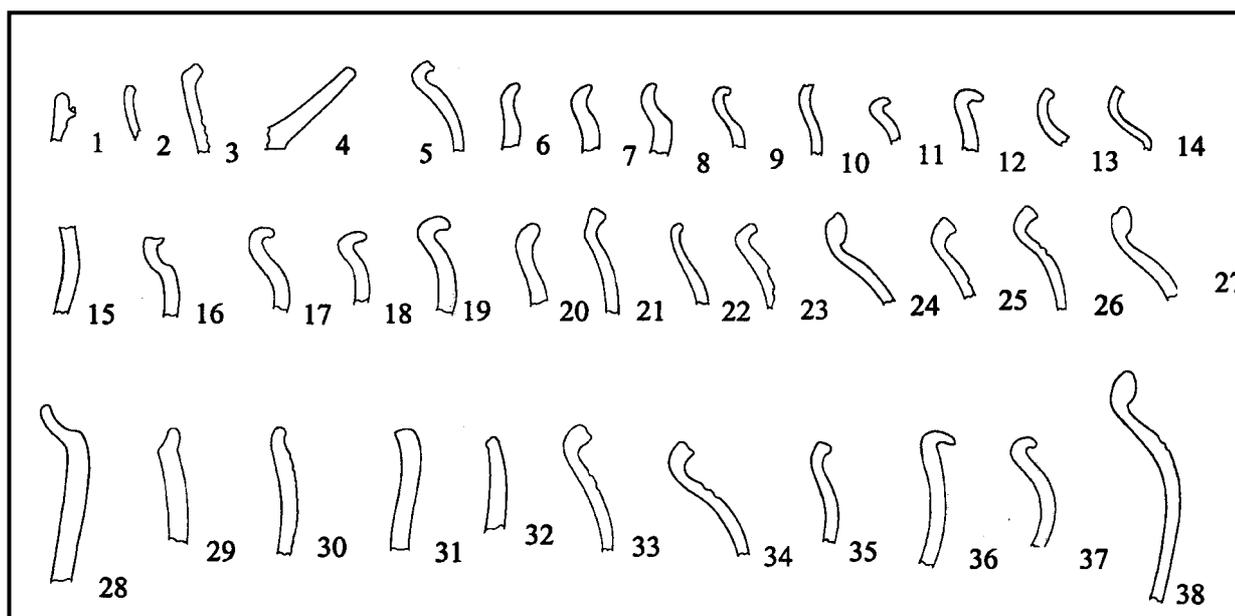

Рис. 1. Фрагменты венчиков сосудов из слоя XVIII в.

Группа II. Керамика коричневого, черного, реже красного и красно-коричневого цвета. Тесто, обычно с примесью крупного песка и мелкого галечника — вполне возможно, естественной, в редких случаях шамота и дресвы или мусора. Последнее характерно для корчаг с тонкими венчиками, но основная масса развалов подобных сосудов и определимых фрагментов содержит в тесте песок и мелкий галечник. Кроме того, в этой группе преобладает мореная посуда — темно-серого и черного обжига, почти абсолютное исключение составляют лишь слабопрофилированные корчаги (см. ниже).

1. Слабопрофилированные (высокие) корчаги, или «разливахи» [2] — от дна большого диаметра слабо выгнутые, почти прямые стенки расширяются до верхней четверти тулова, где плавно изгибаются к венчику, шейка (горловина) практически отсутствует; венчик относительно тонкий, отогнут наружу (рис. 2: 12).
2. «Приземистые» корчаги — схожи с описанными выше, но имеют более низкие пропорции. Венчик толстый, валиком, отогнутый наружу (рис. 2: 11).
3. Профилированные корчаги — от дна тулово заметно расширяется, в верхней четверти закругляется к низкой, вогнутой шейке; венчик толстый, немного отогнут, часто сверху уплощен со скосом наружу (рис. 2: 13).
4. «Горшки» — по форме напоминают профилированные корчаги: от дна небольшого диаметра сосуд расширяется, в верхней четверти тулово округло сужается к низкой, вогнутой шейке; венчик немного отогнут, сверху уплощен со скосом наружу, по наружному краю венчика — валик трапецевидного сечения (рис. 1: 24, 27, 38).
5. Кринки «высокие» — слабо- и хорошо профилированные кринки с округлым туловом, высокой прямой шейкой и отогнутым венчиком, обычно утолщенным (рис. 2: 5).

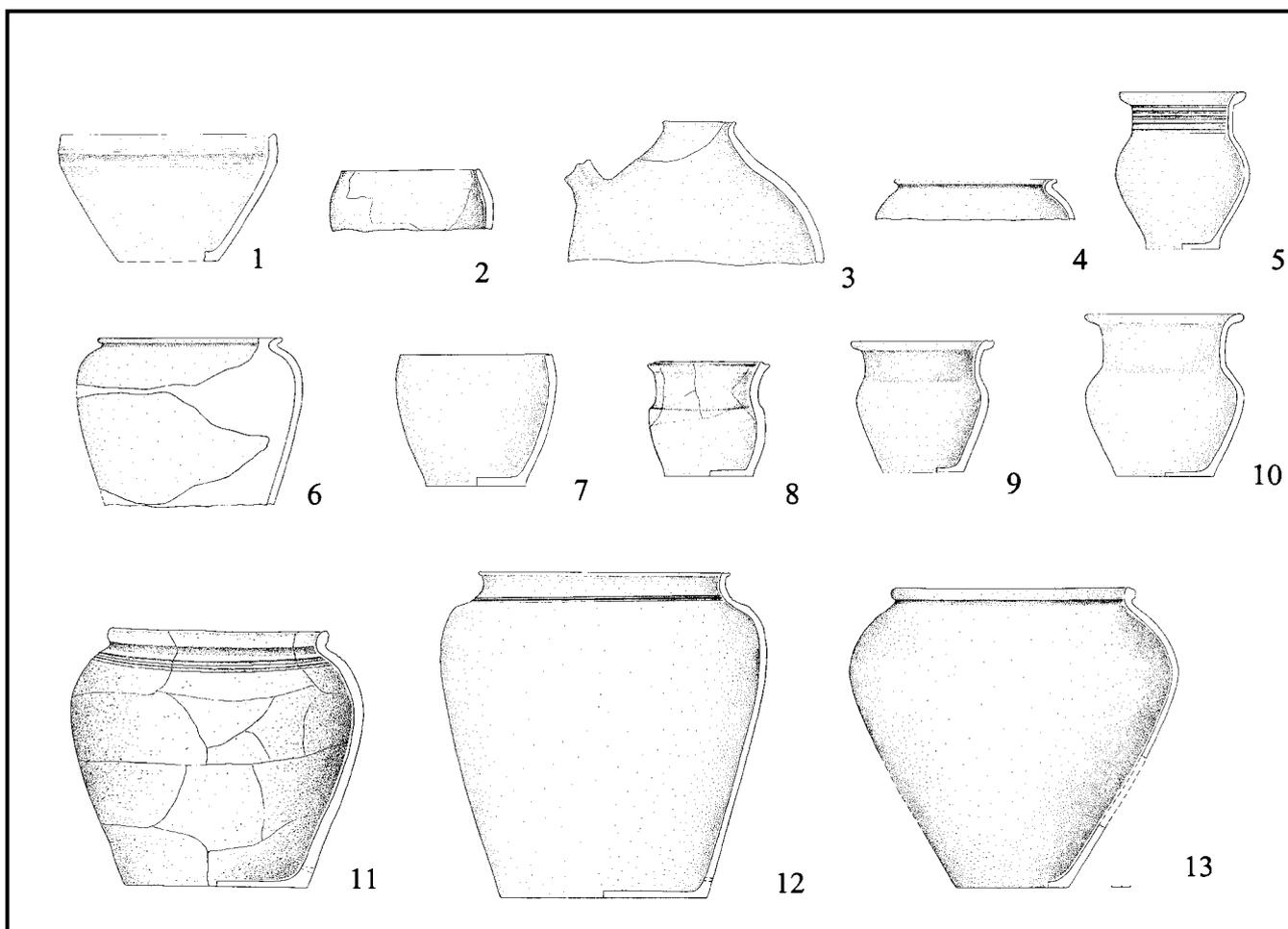

Рис. 2. Сосуды и реконструкция частей сосудов:

1 — чашевидный; 2, 7 — баночные; 3 — рыльник; 4, 6 — горшки; 5 — «высокая» кринка; 8—10 — «приземистые» кринки; 11—13 — корчаги

Фрагменты некоторых типов сосудов встречаются в слое с XVIII в. до начала XX в. Просто в XIX в. из состава формовочной массы исчезают дресва, шамот, сухая глина и слюда. К таким типам относятся:

1. чашевидные сосуды (рис. 1: 1);
2. прямостенные сосуды — сковороды, квашенки, формы для выпечки и пр. (рис. 1: 3, 4).

Керамика группы I, по формам и технологии изготовления, имеет аналогии в средневековой посуде среднего Приуралья. Примесь шамота, сухой глины и дресвы, формы венчиков, также как профилировка верхней части сосуда и оформление края венчика, характерны для части славяно-русской и славяно-финно-пермской, позднесредневековой керамики Прикамья [3, С. 19, 33, 79—80, 107, 121—123; 4]. Описание рыльника приводится в книге «Русский Север: этническая история и народная культура XII—XX века» [5, С. 379—385]. Схожие по форме и, насколько можно судить, частью по составу теста, сосуды найдены при исследованиях различных русских памятников в Западной Сибири [6, С. 67—69; 7, С. 219—221; 8, С. 46—50; 9, С. 154—158]. Возможно, что подобна описанной, часть керамического материала полученного при исследованиях культурного слоя Николаевского монастыря города Верхотурья и собственно Верхотурья [10, С. 107; 11, С. 164—165; 12, С. 149—150].

Наличие у ранней керамики из слоя г. Челябинска сходных черт с керамикой Прикамья вполне естественно, поскольку до середины XVIII в. заселение Зауралья происходило выходцами из Поморья и Прикамья и за счет переселения в более южные районы выходцев из указанных регионов [13, С. 72—82; 14, С. 3—4]. Первопоселенцами Челябинска являлись, в подавляющем большинстве, жители деревень Южного Зауралья — выходцы с северо-востока Европейской России и прямые переселенцы из центрального и северного Приуралья [15, С. 16—18, 56—95]. Очевидно традиции изготовления керамики, отнесенной мной к группе I, сохранялись на раннем этапе существования Челябинска, но постепенно угасали в силу разнородности населения крепости и распространения общей «моды» на определенные типы посуды.

Вторая группа керамической посуды характерна для материальной культуры русского населения Южного Зауралья позднего периода. Описание практически всех типов этой посуды мы находим в работе краеведа А.Н. Зырянова «Выделка глиняной посуды (Шадринский уезд)», опубликованной впервые в 1870 г. [2, С. 3—8]. Там же указывается, что гончары использовали глину без добавления примесей. Очевидно, керамика группы II из культурного слоя Челябинска изготавливалась также из пластичной ожелезненной глины с природными включениями песка и мелкого окатанного галечника, залегающей в центральной части города на глубине 1,5—2,5 м от уровня современной поверхности. Примечательно, что к XVIII в. относится упрощение форм керамической посуды и угасание традиций сложной профилировки венчиков в городах Пермского Прикамья [16, С. 148—149]. В Самарском Поволжье традиция введения в формовочную массу дресвы и песка, бытовавшая в конце XVII—XVIII вв., в XIX в. вытесняется традицией использования в производстве керамической посуды одной природной глины, без добавок [17, С. 221].

Разумеется, есть вариации по составу теста внутри каждой группы. Нет абсолютно жесткой зависимости по типу: уплощенный венчик с желобком — примесь дресвы и шамота в тесте. Некоторые сосуды типов, отнесенных к группе II, содержат в формовочной массе сухую глину и слюду, или шамот и наоборот, в тесто некоторых сосудов, описанных в группе I, из примесей фиксируется лишь песок. Однако в общей массе обработанного керамического материала прослеживается связь изменения состава теста и развития форм сосудов.

Заключение

В XVIII в. жителями Челябинска использовалась керамическая посуда, которую можно условно поделить на две группы: «архаичную» (группа I) и «стандартную» (группа II). Первая группа характеризуется наличием в формовочной массе различных добавок: шамота, сухой глины, дресвы, слюды, просто мусора; кроме того, для сосудов этой группы свойственны вариации в оформлении венчика, внутри группы значителен процент посуды баночной формы. Прямые аналогии и исторические истоки традиций производства подобной керамики мы находим в Прикамье, где такая посуда бытовала со средневековья. Сосуды второй группы изготовлены из глины, преимущественно, без добавленных примесей (пластичные ожелезненные глины, залегающие в центре Челябинска, содержат песок и мелкий галечник в естественном состоянии). Формы сосудов этой группы посуды более стандартизованы, венчики подавляющего

большинства сосудов оформлены по наружному краю валиком четырехугольного сечения или закругленным. В конце XVIII — первой половине XIX в. «архаичная» керамика практически полностью вытесняется «стандартной».

Практически параллельно процессам смены гончарных традиций в Челябинске, происходит упрощение форм керамической посуды в городах Пермского Прикамья и отказ от технологии добавления посторонних примесей в гончарную глину в Самарском Поволжье. Смена традиций может быть объяснена сочетанием факторов: с одной стороны, в городских поселениях или крепостях с их довольно разнородным населением соблюдение традиций не получало постоянной «подпитки» от окружающих, как в относительно замкнутых сельских общинах; с другой стороны, продолжалось заселение восточных территорий России и, поскольку районом основного исхода переселенцев с середины XVIII в. становятся центральные районы и Поволжье, новое население приносило с собой новые традиции, в том числе и гончарные. Более раннее изменение керамики в Пермском Прикамье в сравнении с Челябинской крепостью естественно, в силу более западного расположения Пермской земли и ее исторической, тесной связи с Москвой.

Список литературы

1. Корчагин П.А., Мельничук А.Ф., Соколова Н.Е. Историко-археологическое изучение Перми конца XVIII — первой половины XIX в. // *Оборинские чтения: материалы археологических конференций*. Пермь, 2000. Вып. 1. С. 52—71.
2. Зырянов А.Н.. Промыслы в Шадринском уезде. Часть 2. — Изд-во Шадринского пединститута, 1997. 32 с.
3. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X—XV вв. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. 140 с.
4. Салангин Д. А. Круговая неполивная посуда Вятского края в XII—XVIII вв. (по археологическим источникам) / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (на правах рукописи). — Ижевск: УдГУ, 1999. 212 с.
5. Воронина Т.А. Пища и утварь // *Русский Север: Этническая история и народная культура XII—XX века*. М.: «Наука», 2001. 848 с.
6. Воробьев А.А. Славянский обычай помещения в могилы сосудов с углями.// *Аспирантский сборник НГПУ — 2001 (По материалам научных исследований аспирантов, соискателей, докторантов)* / Под ред. А.Ж. Жафярова. Новосибирск: Изд-во. НГПУ, 2001. Ч. 2. С. 67—77.
7. Воробьев А.А., Троицкая Т.Н. Сосуды в погребальном обряде русского населения Западной Сибири// *Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов; Под редакцией М.Л. Бережновой, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова*. Владивосток — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 219—221.
8. Карлова Н.Р., Мельников Б.В. Керамика Черталинского поселения и некоторые вопросы изучения гончарной керамики археологических памятников Урала и Сибири XVI—XVIII вв. // *Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума*. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. Т. 4. С. 44—50.
9. Колонцов С.В., Воробьев А.А. Материалы Усть-Тартасского форпоста // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. Новосибирск: ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 154—158.
10. Курлаев Е.А. Церковная археология: раскопки в Николаевском монастыре г. Верхотурья в 1989—1990 гг. // *Археологические и исторические исследования г. Верхотурье*. Екатеринбург: банк культурной информации, 1998. С. 92—109.
11. Святлов В.Н., Старков А.В., Чаиркин С.Е. Археологические исследования на территории Николаевского мужского монастыря (г. Верхотурье) летом 1996 г.// *Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Сборник статей*. Екатеринбург: издательство «Екатеринбург», 1997. Вып. 1. С. 144—157.
12. Святлов В.Н., Старков А.В., Чаиркин С.Е. Археологические исследования в г. Верхотурье в 1997 г. // *Археологические и исторические исследования г. Верхотурье*. Екатеринбург: банк культурной информации, 1998. С. 158—165.
13. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М.: «Наука», 1972. С. 15—95.
14. Тарасов Ю.М. Заселение Исетского края в XVII—XIX вв. Челябинск, Изд-во ЧГПИ, 1961. 15 с.

15. Дегтярев И.В. Челябинская старина. Сборник статей и материалов по истории Челябинска раннего периода. Челябинск: Центр историко–культурного наследия, 1996. 120 с.
16. Соколова Н.Е. Хронология предметов материальной культуры русского уральского города XVI—XIX вв.// Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. Отв. ред. С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, Н.А. Томилов. Омск; Ханты–Мансийск: Изд–во Омск. Педагогич. ун–та, 2002. С. 148—150.
17. Кирсанов Р.С. Гончарное производство населения Самарского Поволжья как источник историко–культурной информации// Самарский край в истории России. Материалы юбилейной научной конференции. Самара, 2001. С. 215—223.